
— Молодой господин Юй добротой никогда не отличался и милостыню направо-налево не раздавал, — рассказывал лодочник. — Но в тот день он вдруг послал меня купить паровых булочек-маньтоу. Я принёс их, ещё горячих, завернутых в грубую бумагу, а молодой хозяин самолично отнёс их этому бродяге.

— На, поешь, — Цзыи протянул узелок Сюй Байли.

Слуги, стоявшие позади, принялись перешёптываться. Наш нелюдимый, вечно высокомерный молодой господин вдруг снизошёл до какого-то оборванца и самолично купил ему еду! Неслыханное дело.

Сюй Байли церемониться не стал. Выхватил булочки из рук барина — голодный был как волк — и принялся уплетать за обе щеки. Не успели мы и глазом моргнуть, как от маньтоу не осталось и крошки.

Цзыи со своей свитой так и стоял на пронизывающем ветру посреди сугробов, молча наблюдая, как нищий расправляется с неожиданным подношением. Наконец тот вытер грязным рукавом рот и впервые поднял взгляд на своего благодетеля.

— А запить есть что? — с ухмылкой спросил Сюй Байли.

Молодой господин опешил. Надо же — слопал чужую еду, да ещё и жалуется, что в горле пересохло! Никто прежде не смел разговаривать с наследником семьи Юй в таком тоне, а тут какой-то уличный попрошайка. Это показалось Цзыи на редкость забавным. Склонив голову набок, он принялся с любопытством разглядывать наглеца.

Заметив, что спаситель застыл как истукан, Сюй Байли спросил ещё раз:

— Эй, так вода-то будет?

— Есть. В усадьбе найдётся, — ответил Цзыи.

Слуги так и замерли. Попрошайка дерзит направо, а молодой хозяин мало того что не спустил ему это с рук, так ещё и в дом позвать решил!

— Ну так пошли, чего стоять, — нищий легко поднялся, небрежно отряхнул штаны от дорожной пыли и уверенно направился напрямик к господскому экипажу. Своих лохмотьев он ни капли не стыдился.

В один прыжок заскочив на подножку, он обернулся к застывшему Цзыи:

— А ты чего застрял? Залезай давай.

Вспомнив тот день, лодочник невольно усмехнулся. Вид у молодого господина тогда и впрямь был презабавный: попрошайка крутил им как хотел, а у спесивого барчука словно весь гонор разом испарился.

— Кто знает, что это за пройдоха, подумал я тогда. Попытался образумить молодого хозяина, предостеречь, чтобы не накликать беду на дом. Куда там! Цзыи меня только обругал последними словами, а потом послушно залез в карету вслед за этим мальчишкой.

— И что же было дальше, когда они приехали в поместье Юй? — любопытствовал Хуа Тянь.

Собеседник откашлялся и продолжил:

— Семья Юй была баснословно богата. Старый господин держал двери открытыми для всякого рода учёных мужей и даровитых юношей. Поместье Юй фактически содержало бедствующих книжников, оплачивало им учёбу и поездку в столицу на императорские экзамены. Расчёт был простой: выбившись в люди и получив чиновничий пост, эти мудрецы в благодарность покровительствовали своим благодетелям в чиновничьих кругах. На этом союзе денег и связей богатство семьи Юй держалось долгие годы. Поселившись в усадьбе, Сюй Байли быстро показал, на что способен. Его блестящий ум и глубокие познания поразили старого господина Юя. Тот сразу понял, что мальчишку ждёт великое будущее, и окружил его невероятной заботой, выказывая уважение, какого удостаивались лишь самые почтенные наставники. Так безродный нищий стал почётным гостем в богатом доме. Очень скоро Сюй Байли заставил прикусить языки остальных приживал-книжников, а о его выдающемся таланте заговорили по всему Юйяо.

Во всём городе лишь один человек мог сравниться с ним славой — сам Юй Цзыи, чей меч Ветра и Инея разил без промаха. Мастерство его было отточено до совершенства. Местные тогда говаривали: «В науках не превзойти Сюй Байли, в ратном деле не одолеть Юй Цзыи». Отправься они в столицу, непременно взяли бы первые места на литературных и военных состязаниях. Старый господин души в них не чаял, а весь город гордился своими юными гениями, — лодочник тяжело вздохнул и покачал головой. — Эх, да только судьба рассудила иначе...

— Что же стряслось?

— Спустя какое-то время Сюй Байли ушёл по делам, а вернулся не один. Привёл с собой человека... до того страшного, что у всех кровь в жилах стыла, — лодочник передернул плечами, будто до сих пор видел перед глазами то уродливое лицо.

Заметив страх на лице рассказчика, Хуа Тянь удивлённо приподнял бровь:

— И насколько же он был уродлив, раз ты до сих пор бледнеешь при одном упоминании?

Поняв, что выдал свои чувства, лодочник поспешно напустил на себя беспечный вид. Дело прошлое, чего теперь бояться.

— Звали его Ма Юэ, — стараясь говорить как можно непринуждённое, ответил он. — Да не то чтобы урод, скорее... жуткий. Через всё лицо, от лба до самого подбородка, тянулся глубокий, кривой шрам от сабельного удара. Из-за этого он походил на беглого каторжника или лесного разбойника.

— Хм, и кем же он приходился Сюй Байли? — Хуа Тянь на секунду задумался. Рассказ увлёк его настолько, что он упустил из виду важную деталь. — И кстати, откуда вообще взялся этот юный гений? У него что, совсем не осталось родни?

— Как раз к этому я и вёл, — кивнул лодочник. — В поместье его, конечно, расспрашивали о прошлом. Он лишь грустно вздыхал и говорил, что родом из глухой горной деревни в сотне ли отсюда. Мол, разлившаяся река затопила ущелье, вся его родня и односельчане сгинули в бурных потоках, а ему одному чудом удалось спастись. История жалостливая, расспрашивать дальше ни у кого рука не поднималась. Его только пуще прежнего жалели да привечали.

— Глухая горная деревня, говоришь? — с едва заметной иронией прервал его Хуа Тянь. — Потрясающе. Видимо, там, в глуши, нищие пастухи только и делают, что изучают древние трактаты и учатся изысканным манерам. Кому расскажи — не поверят.

Простодушный собеседник сарказма не уловил и продолжил:

— Ну да. Так вот, этот Ма Юэ, по словам Сюй Байли, приходился ему каким-то дальним родственником. Притащился в город, прослышал об удаче племянника и явился просить о помощи. Старый господин Юй рассудил, что хоть парень лицом и не вышел, зато сложен как бык. Лишние рабочие руки в хозяйстве всегда нужны. Пристроили его конюхом, как и меня. Поначалу-то казалось, что он малый смирный, работающий.

— Вот как? И когда же все изменилось? — спросил Хуа Тянь.

— Мы ведь трудились бок о бок, почитай, целыми днями. Думал, изучил его вдоль и поперёк, да только чужая душа — потёмки. Ма Юэ прожил у нас год, тише воды ниже травы себя вёл. А потом у меня срок службы по договору подошел к концу, я забрал расчёт и ушёл со двора. Боги уберегли, не иначе! Только благодаря этому до сих пор костями в земле не гнию. Сам я в тот кошмар не угодил, знаю всё лишь по рассказам. За день до того, как молодой господин Юй должен был отправиться в столицу на экзамены, этот оборотень Ма Юэ показал своё истинное лицо. Сговорился с шайкой головорезов из лесного лагеря, открыл им ворота ночью... Они вырезали всё поместье Юй до единого человека — больше сотни душ загубили, ироды! Всё золото, все сокровища подчистую выгребли. Великий род Юй сгинул в одночасье. А этого душегуба, Ма Юэ, до сих пор не поймали, след его простыл.

Закончив свой печальный рассказ, лодочник выжидательно уставился на Хуа Тяня. Но тот лишь задумчиво потирал подбородок, глядя куда-то сквозь собеседника.

Поняв, что его больше не слушают, парень помахал ладонью перед самым носом гостя:

— Ну, ладно, я всё выложил. Пойду я.

— Погоди-ка, — Хуа Тянь резко перехватил его за локоть, не давая уйти. — Если, как ты говоришь, разбойники вырезали всех под корень, почему уцелел Юй Цзыи? И как именно он лишился рассудка?

Лодочник хлопнул себя по лбу:

— Ах да, заболтался я, совсем из головы вылетело! В ту проклятую ночь молодой барин кутил в веселом квартале с приятелями, домой ночевать не пришёл — тем и спасся. А как наутро воротился да увидел горы трупов — разум-то и помутился. Шутка ли, в один миг лишиться всего! Вот три года уже тридцать мужику, а он умом как дитя, ни к какому делу не приспособлен, только и знает, что на лодке сидеть да в бамбуковую дудку дудеть.

— Тут есть несколько нестыковок, — Хуа Тянь покрепче сжал руку парня, заставляя того слушать. — Во-первых, с чего ты взял, что он действительно сошёл с ума? Может, он просто тоску свою так изливает, играя на флейте?

Лодочник недоуменно развёл руками:

— Помилуй, господин! Три года изо дня в день дудеть в одну дудку? Да от любой тоски за это время наизнанку вывернет! Семья мертва, богатство прахом пошло — тут у кого хочешь крыша съедет. Ясно же, что тронулся умом бедняга.

— Допустим, — не стал спорить Хуа Тянь. — Но есть и второй вопрос: мотив. У Ма Юэ не было никаких причин ненавидеть хозяев усадьбы, зачем же устраивать столь жестокую бойню? И где в этой истории Сюй Байли? Его тоже убили, или «родственничек» пощадил юного гения?

Вопросы сыпались один за другим, и лодочник окончательно растерялся. Он долго мычал, пытаясь подобрать слова, но в конце концов лишь сердито буркнул:

— Да откуда мне знать-то?! Я там со свечкой не стоял! Чего ты к словам цепляешься? Всё, недосуг мне с тобой языком чесать, пойду горло промочу.

Разобиженный малый вырвал руку и зашагал прочь с пристани, оставив Хуа Тяня наедине со своими мыслями.

Лань Цзыцзюнь и остальные, завидев уходящего в гнев лодочника, решили, что разговор не склеился.

— Ну что, остряк, опять со всеми переругался? — с ехидной усмешкой спросил Цзыцзюнь, подходя ближе.

Хуа Тянь даже ухом не повел на его подначку. Всё ещё пребывая в глубокой задумчивости, он не глядя выудил из кошелька увесистый кусок серебра и бросил другу.

— Вовсе нет. Он выложил всё как на духу.

Цзыцзюнь ловко поймал монету, и на его лице тут же отразилось понимание — стало ясно, какими именно «убедительными доводами» Хуа Тянь развязал язык простолюдину.

— Опять транжиришь казённые средства, — притворно заворчал он.

— Без малых потерь больших находок не бывает, — поспешил разрядить обстановку Чжун Ли, вставая на сторону товарища. — Господин, так что же вам удалось разузнать? Поделитесь с нами.

Хуа Тянь без утайки пересказал всё, что услышал от лодочника. Когда он закончил, воцарилось тяжелое молчание. Спустя изрядное время Чжун Ли потрясённо покачал головой:

— М-да... Ну и судьба у этого Юй Цзыи. Врагу не пожелаешь.

Сердце сурового воина дрогнуло, уступив место искренней жалости к несчастному безумцу.

— К слову, брат Цзыцзюнь, — Хуа Тянь заговорщически подмигнул другу, решив расшевелить притихшую компанию, — не припомнишь, кто там божился дерьмо жрать, если безумный флейтист окажется невиновным?

Цзыцзюнь, мгновенно позабыв про растраченное серебро, с готовностью подхватил шутку:

— Ну, строго говоря, речь шла о «человеке в чёрном», но теперь-то мы знаем, что это Юй Цзыи. Так что суть не меняется.

— Вот именно! Ну так что, Чжун Ли, готовь ложку? — с ухмылкой повернулся к воину Хуа Тянь.

Чжун Ли мысленно проклял свою доброту. И зачем только полез заступаться за этих двоих? Пускай бы себе спорили дальше, целее был бы. Однако, задетый за живое, он упрямо выпятил подбородок:

— Да не собираюсь я на попятную идти! Расследование ещё не окончено, и настоящего убийцу никто за руку не поймал. Рано празднуете!

— Вот и славно. Пойдем проверим, — Хуа Тянь ободряюще похлопал его по плечу и направился к выходу с пристани.

Цзыцзюнь напоследок окинул задумчивым взглядом одинокую фигуру флейтиста на покачивающейся лодке и молча последовал за ним. Чжун Ли так и остался стоять посреди дороги, растерянно хлопая глазами. Как так? Куда это они наострили лыжи? Он умоляюще посмотрел на собиравшегося уходить Сяо Цзяньцзяня.

— Господин велел идти за уликами, — послушно повторил малец слова хозяина.

— Да где мы их искать-то собрались? — всё ещё не понимал воитель.

— Ну и тугодум же ты, Чжун Ли! Ночью идем на дело — обыщем заброшенное поместье Юй, — раздался со стороны ворот голос Хуа Тяня.

Заметив, что Сяо Цзяньцзянь задерживается, он вернулся, резонно рассудив, что верзила-стражник просто так не отпустит мальчишку, пока не вытянет из него все объяснения.

— А, теперь дошло... — пробормотал Чжун Ли вслед уходящим фигурам. К тому моменту, как до его суровой головы дошёл весь план, Хуа Тянь с мальчиком уже скрылись из виду.

Что ж, решено. Теперь оставалось лишь дожидаться, пока на город опустятся сумерки.

<http://bllate.org/book/18412/1796478>